

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

СОЦИАЛИЗМ. КАПИТАЛИЗМ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Записки обывателя

ВСТУПЛЕНИЕ

26 лет я прожил при социализме и 28-й год живу при капитализме.

Не выезжая из собственной страны, оказался эмигрантом. Как все мы.

В этой статье я хочу сравнить жизнь в СССР и в новой России. На мой взгляд, и там, и там были свои плюсы и минусы. В чём-то мы все проиграли, а в чём-то выиграли.

Это, разумеется, не научное исследование, а записки частного лица, обывателя.

ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ

Я родился в 1964 году в Москве, в Марьиной роще, в роддоме № 9 на Шереметьевской улице. Когда мне было два года, наша семья переехала в частный дом в Кускове, который отцу подарил его отец, мой дедушка Александр Алексеевич Степанов. В этом прекрасном (пусть и ветхом) частном доме мы прожили до 1970 года. Дом был небольшой, дощатый. Посередине стояла печка. Мама её с утра до вечера топила. Она работала переводчицей с немецкого языка, занималась нами и хозяйством. Она почти не отдыхала. Иногда, плотно прильнув к экрану, смотрела маленький, скромный телевизор "Рекорд".

Мама познакомилась с отцом в Сибири, в студенческом Томске, где они учились в институтах (отец – в строительном, а мама – в педагогическом, на факультете иностранных языков). Отец приехал из Москвы вместе с моим

СТЕПАНОВ Евгений Викторович — публицист, поэт, прозаик, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатался в журналах "Наш современник", "Нева", "Звезда", "Дружба народов", "Знамя", "Урал", "Арион", "Юность", "Волга", "Дон", "День и ночь" и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Живёт в Москве и посёлке Быково (Московская область). Главный редактор журнала "Дети Ра" и портала "Читальный зал". Лауреат премии имени А. Дельвига.

дедом (его Сталин туда направил на руководящую работу), а мама – из маленького городка Красноярского края Ужура.

Детство я вспоминаю с нежностью и трепетом. Я теперь знаю: всё, что нам нужно, у нас есть с рождения. У меня с рождения был (он остался во мне) родительский дом. В этом доме на окраине Москвы, в боголепном Кускове я прожил пять лет своей жизни. Это были, конечно, мои лучшие годы. До шести лет ребёнок совершенен, он часть Бога, природы и космоса, он не отравлен цивилизацией, тотальной борьбой за выживание, он не знает, что он умрёт, а значит, бессмертен. До шести лет я был абсолютно счастлив. Мама, папа, брат, двоюродные сёстры, точнее – тётки, грядки с клубникой, родная земля (сорок соток!), дворцы Кускова на берегу графского пруда, Гайские горы, кинотеатр “Гай”, где показывали фильмы про индейцев, яблоня китайка, жёсткие и очень сладкие груши тёти Клавы, наш личный домашний прудик, кот Дикий, отцовский гараж, снежные барханы, куда мы с братом прыгали с гаража, печка, телевизор “Рекорд”, отцовский мотоцикл “Ковровец”, бабушка (на самом деле прабабушка) Паша, которая угощала нас с братом конфетами, а сама пила чай из блюбочка. Она прожила 95 лет, и прожила бы ещё столько же, но мы переехали в бетонные (во всех смыслах) квартиры, которые нам дала Советская власть вместо нашего прекрасного дореволюционно-го потомственного дома на земле...

Всю свою последующую жизнь я искал (и ищу) этот (похожий) дом, куда бы я хотел поселить всю свою большую интернациональную семью, всех своих родных людей. Строил и покупал дачи и квартиры в Подмосковье, Тамбовской области, за границей... Что-то мне удавалось. Но дом, где я рос первые годы своей жизни, не заменит ничто.

...Сейчас я успокоился, осознав, что никогда не найду на земле то, что живёт в моём сердце, в моей душе... И мысленно очень часто нахожусь в том старом московском доме, в котором вырос...

Снесли наш дом в 1970 году, и нам дали, как я уже говорил, трёхкомнатную квартиру (60 кв. метров) в панельной девятиэтажке неподалёку, в том же районе, рядом с метро Ждановская (это нынешнее Выхино). И мы стали там жить. Большую часть времени я, впрочем, проводил на улице, во дворе.

...Недавно смотрел телевизионную передачу про бывшего знаменитого тяжелоатлета и хорошего современного писателя Юрия Власова. Он с болью говорил о том, что нынешние дети мало знают разнообразных игр. Это действительно очень грустно. Мы же, московские ребята 70-х годов, играли во всевозможные уличные игры: и в чижика, и в пробки (расшибец), и в городки. Во всё, что угодно. А я вообще, по сути, воспитывался на улице. Знал многие её тайны. И тёмные, и светлые закоулки... Моя мама, до семнадцати лет жившая, как я уже писал, в небольшом сибирском городке, заставляла меня в летнее время постоянно гулять босиком и без рубашки. И всё время гнала на улицу – заставляла дышать свежим воздухом. Мама делала правильно. И воздухом я надышался, и воспитала меня улица, как надо. Подготовленным – более или менее – к жизни. Там я научился устанавливать контакты со сверстниками, выходить из трудных ситуаций, добиваться своего. А если бы я сидел дома да смотрел телевизор? Я бы тогда, конечно, не смог с семнадцати лет жить вдали от отчего порога.

...Мои гастрономические советские воспоминания относятся именно к этому периоду – к семидесятым годам прошлого века. Рядом с нашим домом в Вешняках быстро построили продуктовый магазин. Что там продавалось? Картошка в бумажных пакетах или на развес, крупы, сливочное и подсолнечное масло (бутылка по пятьдесят копеек, автомат сам наливал), шоколадное масло, супы из пакетиков, сайра и шпроты, куры и утки, яблоки “Джонатан” (по 3,50 за кг), сыры “Российский”, “Пошехонский”, “Колбасный”, сгущёнка (не всегда), колбасы “Докторская” и “Любительская”, был шикарный кондитерский отдел, где продавались шоколадные конфеты, леденцы, печенье, пастила, зефир, торты “Подарочный” (мой любимый, за 2,40), “Ленинградский” (тоже за 2,40), “Сказка” (за 1,90)... Продавались и бананы (правда, зелёные), и мандарины (не всегда), и хурма.

Осенью завозили арбузы и дыни, виноград...

Что ели мы?

Мама готовила нам жареную и варёную (часто в мундире) картошку, суп из пакетиков или консервов, жарила утку (на гарнир – рис), пекла сладкие пирожки и пирожки с капустой и рисом.

В доме всегда были зефир, пастила, иногда отец привозил из командировок воблу (это был страшный дефицит).

Покупали мы постоянно квас. Бидон стоил 32 копейки. Большая кружка – 6 копеек, а маленькая – 3. Большой роскошью я считал “Лимонад” и особенно “Байкал”, который стоил 45 копеек. “Байкал” был аналогом американской кока-колы и пепси-колы – их я впервые попробовал во время Олимпиады-80.

Летом почти каждый выходной мы ездили с ребятами за грибами – в деревни Овражки, Коренёво, Донино (это по Казанской железной дороге). Я всегда привозил много грибов, и мама их варила и жарила.

Во дворе нашего дома росли яблони, я собирал яблоки и приносил домой, и мама варила компот.

Также она делала нам кисель, оставляла нам с братом на день целую бадью киселя с белым хлебом. И мы легко могли продержаться на киселе. Часто оставляла варёные яйца, воблу, бутерброды с маслом и сахарным песочком.

Всегда в доме были урюк, курага, изюм, компот из сухофруктов.

Потом я в семнадцать лет, в 1981 году оказался в провинциальном Тамбове. Там обеспечение продуктами было хуже, чем в Москве. Не продавали, например, сливочного масла, сгущёнки, но я часто ездил в Москву и привозил и Наташе (моей жене, с которой мы поженились в возрасте 18 лет, в 1982 году), и своим педагогам в педагогическом институте дефицитные в Тамбове продукты...

В Тамбове в брежневскую эпоху продавали колбасу по 3,50, хлеб, крупы, консервы, яблочное вино по 50 копеек, яблоки, груши, картошку, конфеты, разнообразные пирожные (ром-бабы, заварные, “корзиночки” с кремом), яйца... То есть с голоду никто не умирал. Необходимый минимум в магазинах был.

Капитализм, конечно, изменил продуктовые магазины. В крупнейших супермаркетах (“Магнит”, “Пятёрочка”, “Перекрёсток”, “Дикси” и т. п.) купить продукты можно на любой вкус – правда, неизвестно какого качества.

Появилось много морепродуктов, разнообразные колбасы, сыры, мясо, рыба, фрукты, конфеты, не дефицит теперь даже торт “Птичье молоко”.

Но мои вкусы остались прежними. Я по-прежнему покупаю картошку и яйца, овощи и фрукты, курагу, изюм, чернослив. Покупаю печенье и конфеты, каши и мясо, сайру и шпроты...

Никаких разительных перемен в моём рационе нет. И восхищения продуктовым изобилием у меня тоже нет. Это для меня, честное слово, не самое главное.

БИЗНЕС

Был ли бизнес в советской России? Был, да ещё и какой! Е. Т. Гайдар в одной из своих книг справедливо писал, что СССР был интегрирован в мировую экономику. Нефть, газ, лес, рыба, пушнина, оружие... Мы всегда торговали с Западом.

Был бизнес и на более приземлённом, житейском уровне. Что я имею в виду? Во-первых, всегда существовал продовольственный рынок, на котором можно было купить хорошее мясо, рыбу, овощи и фрукты... Существовал рынок аренды жилья (нелегальный или полуполюгальный), все, кто имел возможности, сдавали комнату, квартиру, угол и т. п. Процветал частный извоз. На Птичьем рынке (он тогда размещался в районе Таганки) москвичи и гости города могли купить всё, что угодно (об этом ниже).

Творческая и научная интеллигенция была прочно интегрирована в торгово-денежные отношения. Редакции платили за статьи, рецензии, стихи, прозу. Лекторы общества “Знание” и “Клуба книголюбов” получали гонорары за свои выступления – я сам таким образом постоянно подрабатывал.

Можно было заработать на строительной шашке, в стройотрядах и т. д. Наконец, процветали (зачастую, правда, недолго) так называемые “цеховики”, которые занимались бизнесом (чаще всего, пошивом и сбытом одежды) нелегально.

Все энергичные, предприимчивые люди находили себе (законное или незаконное) занятие, зарабатывали немалые деньги.

Частный бизнес существовал даже при И. В. Сталине, которого я как правнук репрессированного, раскулаченного кулака, конечно, не хочу идеализировать. Но отрицать положительные факты тоже нельзя.

Вот цитата из книги, составленной Л. Г. Коноваловым: “Сталин. Цитатник / — М.: издательство “Махаон”. — 336 с.: ил.”: “...Сталин создал великолепно работающую систему предпринимательства — честного, производственного, а не спекулятивно-ростовщического. В то время функционировало сто четырнадцать тысяч частных мастерских и предприятий в сферах пищевого, химической промышленности, металлообработки, ювелирного и даже оборонного дела. На них работало около двух миллионов человек. Частными предприятиями производилось 40% мебели, 70% металлической посуды, более трети всего трикотажа, почти все детские игрушки. При этом на два года частные предприятия освобождались от большинства налогов и госконтроля над розничным ценообразованием. У госпредприятий таких льгот не было. В предпринимательском секторе работало около 100 конструкторских бюро, 22 экспериментальные лаборатории и даже два научно-исследовательских института. В этом секторе действовала своя, негосударственная пенсионная система, а артели могли предоставлять своим членам ссуды на приобретение скота, инструмента, оборудования, строительство жилья. Всё это было уничтожено после смерти Сталина Хрущёвым в 1956 году, когда были ликвидированы структуры предпринимательства вместе с приусадебными участками (при Сталине они составляли до 1 гектара)”.

Наша семья хорошо знала, что такое артели. Мой двоюродный дед Виктор Алексеевич Степанов работал сначала в артели паяльщиком, паяя на дому разные металлические предметы, а потом — в артели печников. Иногда он брал на подработку моего отца, тогда студента МАДИ. Дядя Витя зарабатывал больше моего родного деда Александра Алексеевича Степанова, который имел высшее образование и работал инженером.

...Ни Хрущёв, ни тем более хорошо понимавший человеческую природу Брежнев не могли отбить у народа тягу к предпринимательству, к созидательному труду на себя, а не на “дядю”.

Я начал зарабатывать довольно рано. В 7 классе я провёл четвёртую четверть в интернате имени О. Кошевого в Крыму, привёз оттуда домой, в Москву, два полиэтиленовых мешка рапанов (красивых морских ракушек, которые сам собрал на черноморском евпаторийском берегу). Всё это богатство я продал оптом на Птичьем рынке за 10 рублей. Это была моя первая сделка.

Потом я увлёкся аквариумистикой, стал разводить рыбок, у меня хорошо размножались живородящие гуппи и меченосцы, их я тоже продавал на Птичьем рынке.

Будучи студентом, я подрабатывал летом на подмосковной стройке, у шабашников. Работа была очень тяжёлая — я таскал и перекидывал кирпичи. Платили мне двадцать пять рублей в день. Это были огромные — астрономические! — деньги.

А с 19 лет я стал жить (точнее подрабатывать) литературным трудом.

А что же сейчас? Я и сейчас живу литературным трудом. У меня собственное издательство (о моём опыте предпринимательской деятельности и насущных проблемах современных бизнесменов см. подробнее в журнале “Знамя”, № 10, 2009), выходят мои книги, которые продаются в крупнейших магазинах страны. Никакой помощи от государства я не имею. Но, впрочем, я и не жалуюсь. Меня всё устраивает. Помогать нужно слабым, а сильные (к коим, грешным делом, я отношу и себя) сами должны о себе заботиться. И о себе заботиться, и другим помогать.

МЕДИЦИНА

В советское время, будучи московским школьником, я занимался в 70-е годы прошлого века спортом — футболом, хоккеем, боксом. Каждый год мы, юные спортсмены, проходили жёсткий медицинский осмотр в диспансере, который размещался в Перовском районе, рядом с замечательным кинотеатром “Берёзка”. Обследовавшись у врачей, мы стремглав бежали в кинотеатр и смотрели детские и подростковые фильмы, особенно часто ходили на легендарный фильм “Акваلانги на дне” (билет, кстати, стоил 10 копеек).

Следили за нашим здоровьем очень строго. Медицина была реально бесплатная.

Отец работал в Госстрое РСФСР, и вся наша семья была прикреплена к поликлинике Госплана СССР, где я частенько лечил — совершенно бесплатно! — зубы.

В 11 лет я сломал руку, и меня положили в городскую больницу. Там меня лечили тоже, разумеется, бесплатно. А потом, выписавшись, я ещё ходил на специальные процедуры, чтобы разрабатывать руку.

Рядом с домом находилась детская поликлиника. И нередко мы ходили туда с друзьями со двора, чтобы хитроумным способом получить справку-освобождение от школьных занятий... В поликлинике нам давали градусники, мы ухитрились незаметно стучать по ним, они начинали, как сумасшедшие, показывать повышенную температуру, и мы опять бежали играть в любимый хоккей на каток, а не в школу.

Летом мы, футболисты и хоккеисты клуба “Крылья Советов”, ездили на месяц в спортивный лагерь. За это мои родители платили 25 рублей.

Проживая в советской Москве, я был убеждён, что о моём здоровье должны заботиться мама и папа, учителя и тренеры, врачи и медсёстры, государство. Так и было. Проходили, как я уже писал, ежегодные диспансеризации, в школе работали медпункты. Все за нашим здоровьем следили.

Когда рухнул Советский Союз, я, слава Богу, сильно не болел. Но понял, что ситуация с медициной изменилась. Годами я не был прикреплен ни к какой поликлинике.

Потом меня прикрепил – благодаря моему другу Владимиру Георгиевичу Бояринову, руководителю МГО СП России, – к поликлинике Литфонда (точнее, к поликлинике № 220, услугами которой писателям позволили пользоваться вместо литфондовской), и я стал на вполне законных основаниях ходить в поликлинику на улицу Заморёнова. Там мне бесплатно чистили зубы от кариеса, а удаляли их и пломбировали уже за деньги. В этой же поликлинике мне писали новые очки. Потому что зрение довольно сильно испортилось в последние годы. А больше я к врачам особенно не обращался. Слава Богу.

Что касается моей семьи, то, поскольку мой отец занимал довольно высокий пост в Госстрое России, он до сих пор прикреплен к так называемой “кремлёвке”. Там же лечилась и мама.

Я там, в “кремлёвке”, часто бывал, навещая родителей. 14 лет назад моя мама перенесла клиническую смерть, но “кремлёвские” врачи её тогда вывели.

Мама умерла 23 августа 2017-го, не дожив 10 часов до своего восьмидесятилетия. Врачи ей помочь уже не смогли.

Если сравнивать советскую и нынешнюю медицину, я, конечно, отдаю предпочтение тому, что было. То, что сейчас, это уже совсем другая песня.

ТУРИЗМ

Море я впервые увидел в 12 лет, в 1976 году, в шестом классе. Мы поехали с мамой по туристической путёвке в Грузию, в посёлок Чаква (это недалеко от Батуми). Нам там очень понравилось. Мы отдыхали на турбазе, номера были сделаны из бывшего поезда, купались в тёплом Чёрном море, я собирал ракушки, бегал босиком по галечному пляжу – лечил плоскостопие, ходил по трубе через овраг – тренировал волю, смотрел кино, которое крутили под открытым небом. Мы ходили на рынок в посёлок, там далеко не все говорили по-русски, в магазинах было много книг, вывесок на грузинском языке. В посёлке все говорили с могучим грузинским акцентом либо вообще не говорили по-русски. Фактически мы оказались за границей.

На рынке мы покупали груши, грецкие орехи. Экономили. Но отдыхали хорошо. Море, субтропики, персики, растущие на улице, чистейший воздух...

Нас, отдыхающих, всё время развлекал весёлый массовик-затейник. Помню, он начал нас пошловато разыгрывать:

– Пчела залетела в купальник к пани Монике. За что она укусила?

Все начали гадать.

Массовик-затейник торжествующе резюмировал:

– За руку пана директора.

... За границу я стал выезжать в 1987 году, в 22 года. Побывал в кризисе по Дунаю в Югославии, Австрии, Румынии, Болгарии, Чехословакии, Венгрии. Для того чтобы выехать, я должен был пройти собеседование в горкоме партии. Со мной беседовал 2-й секретарь горкома КПСС т. Шелковников (дело происходило в г. Рассказове Тамбовской области, где я тогда жил и работал

в школе воспитателем группы продлённого дня и внештатным корреспондентом районной газеты “Трудовая новь”). Собеседование длилось 2 минуты. Т. Шелковников сказал: “Мы читаем ваши статьи в нашей районной газете. Учить вас, как надо себя вести за границей, нет необходимости. Езжайте”. Валюты тогда в свободном хождении не было. Нам разрешили купить, если память не изменяет, 150 долларов. Причём получить их оказалось не так просто – пришлось побегать по всевозможным инстанциям и постоять в разных очередях.

Во всех моих зарубежных туристических поездках в советское время у нас был руководитель, ходить разрешалось только группами.

Работая редактором в издательстве “Известия”, я много раз ездил за границу по туристическим путёвкам. В основном в социалистические страны – Болгарию, Чехословакию. На море, в Болгарии, никаких руководителей я уже не помню, и ходили отдыхающие не группами, а преимущественно парами. Это враньё, что секса в советское время не было.

После перестройки, в капиталистическое время, я, выпускник провинциального иняза, дорвался до заграничных вояжей и приключений, жил во Франции, работал во французской прессе, в основном переводчиком для тамошних журналистов (это отдельный большой разговор), учился в Женеве, в Университете христианского образования, стажировался в американской газете, отдыхал в Африке и Турции и т. д.

Словом, я стал ездить ещё больше, чем при социализме. Объездил полмира. И надо признать, выезжать за рубеж мне стало намного легче. Сейчас у меня шенгенская виза на 4 года, и я могу поехать в любой момент в любую страну Евросоюза. Всё это так. Но ведь я и раньше выезжал. А моя мама, царство ей небесное, и мой брат так никогда и не побывали за границей. И многие другие мои родственники и друзья никуда не ездили. По разным причинам. В основном по экономическим – просто нет денег. А мама моя и не хотела никогда никуда выезжать из собственной страны.

Те же, кто ездил, и сейчас продолжают ездить. Мне возразят: а как же Турция? Ведь сейчас все ездят в Турцию. Во-первых, не все. А во-вторых, что такое Турция? Климатически – это та же самая Грузия. От Батуми до Турции – 15 (!) км. Да, всего 15 км. Фактически, это один регион.

Границы сейчас открыты для сильных людей. Как были открыты всегда. Только раньше деньги от туристической индустрии шли в казну нашего государства, а теперь – в казну чужого.

Границы всегда открыты-закрыты условно. И не для всех. Я считаю, что сейчас они закрыты даже больше, чем при Советской власти, когда был железный занавес. Раньше у среднеобеспеченного и даже бедного человека существовала возможность поехать на море по профсоюзной путёвке, сейчас такой возможности у большинства, особенно живущего за пределами МКАД, нет. А моря стали заграничные – и в Грузии, и в Прибалтике...

Итак, выводы: успешные стали жить ещё лучше. Неуспешным (обычным, нормальным людям) при нынешнем строе делать нечего. Ни здесь, ни за границей.

ОБРАЗОВАНИЕ

Я учился в советское время в четырёх школах. В трёх московских и в евпаторийской (это была школа-интернат, там я учился в 7 классе, четвёртую четверть).

Я считаю, что учили в СССР хорошо. Каждый получал те знания, которые ему были необходимы и полезны. Я, например, всегда имел хорошие оценки по гуманитарным предметам, а контрольные по алгебре и другим точным предметам зачастую списывал, когда не мог решить сам. Учителя на это закрывали глаза. Было очень много замечательных учителей, которые остались в моей памяти. Постоянно вспоминаю свою любимую учительницу – Альбину Петровну Арзуманян. Она была у нас в 9–10 классах классным руководителем и учителем по химии (это старинная московская школа № 456, 1980–1981 годы). Святой человек! Верила в нас, своих непутёвых учеников, всячески поддерживала. Когда был выпускной экзамен, одна не слишком тактичная учительница сказала, что мы, выпускники, – шалопаи и недотёпы. Альбина Петровна ей уверенно ответила: “Нет, они замечательные ребята. И теперь – во взрослой жизни! – мы о них узнаем только хорошее!”

Я вот думаю: чему она нас учила? Химии? Конечно. Я до сих пор многие формулы помню. Но, прежде всего, Альбина Петровна учила нас любить людей, уметь видеть в них добро, положительные стороны. Она развивала в нас наши способности. Например, она всячески поощряла мои увлечения литературой, лингвистикой, историей, педагогикой... Понимала, что здесь я могу хоть чего-то добиться, а в химии – навряд ли.

Не знаю, как выразить свою любовь, своё благоговение перед Альбиной Петровной!

Она – действительно святой человек.

После школы я волею судеб оказался в провинции, в Тамбове. Учился в педагогическом институте на факультете иностранных языков. Изучал латынь, французский, русский, немецкий языки. Программа была тяжёлая. Наизусть приходилось учить километры текстов. Экзюпери, Гюго, Верлен, Элюар... Теоретическая грамматика приводила нас, студентов-старшекурсников, в ужас. Сдать этот предмет доценту Н. А. Кудриной было предельно сложно. Я занимался языками с утра до ночи, иногда по 12–15 часов в сутки. После занятий ещё зубрил дома. И при этом не был отличником. Учился в основном на четвёрки. В институте я всегда получал отличные оценки по стилистике.

Изучали мы, инязовцы, французскую стилистику, и я, как ни странно, в ней разбирался.

Потом (в постсоветское время) я и сам преподавал стилистику в институте, рассказывал студентам о разных литературных стилях, тропах и фигурах поэтического текста и т. п. Мои студенты (точнее – студентки) слушали неохотно, это им не очень было интересно. И я сам себе напоминал учителя Мирою из “Безымянной звезды”, который что-то говорил о своём предмете, но на него никто не обращал внимания. Ну, в самом деле, какая стилистика, когда в Москве столько соблазнов, столько красивых юношей, столько театров и ночных клубов!.. Но всё-таки нужна и стилистика, нужно уметь анализировать литературное произведение, отличать ямб от хорея, очерк от репортажа, интервью от беседы, научно-популярный стиль от научного.

... Стипендия в Тамбовском педагогическом институте у меня была 40 рублей. За общежитие я платил 3 рубля в месяц. Плюс помогли родители (мама, царствие ей небесное, ежемесячно все пять лет учёбы присылала мне 50 рублей!), и ещё я писал во всевозможные тамбовские газеты. То есть денег на жизнь вполне хватало.

В 18 лет я женился. Всё шло хорошо. Мы с женой в материальном плане совершенно не бедствовали. Снимали квартиру, комнату в частном доме, потом жили у тёщи. Да, конечно, нам помогали родители. Но в любом случае у нас была уверенность в завтрашнем дне.

С большой теплотой вспоминаю декана нашего иныза Валентина Григорьевича Евстратова. Прозвище у него было Отец. Он, действительно, заботился о студентах, как папа. Много раз меня, например, выручал из беды. Исключили меня в 20 лет (из-за какого-то пустяка) из комсомола – не лишил стипендии. Украли у нас с женой вещи на практике (мы тогда с Наташей преподавали французский язык в тамбовской средней школе) – тут же выделил нам материальную помощь. А ещё он нам, студентам, никогда не врал. Не прославлял власть. И не учил нас быть приспособленцами. Он – тоже выпускник иныза – читал курс психологии (был кандидатом наук). И я помню, как сдавал ему экзамен по психологии. Я ответа на билет не знал и, спасая безнадёжную ситуацию, начал что-то пафосное трендеть про то, какой огромный вклад сделал вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин в развитие психологии и т. д. Евстратов меня жёстко одёрнул: “Евгений Викторович, хочу вам заметить, что психология как наука не входила в сферы интересов Ленина. Говорите по существу!” И это в присутствии экзаменационной комиссии.

Вот такой это был могучий человек. Очень часто его вспоминаю. Большая беда, что он уже ушёл из жизни. А какие у нас были преподаватели-лингвисты – блистательные знатоки французского языка: И. Ф. Мишин, Л. Ф. Гуляева, Н. А. Спиридонова, И. А. Свиридова, А. С. Кустарёва, Н. А. Кудрина!.. Каждый год к нам приезжали носители языка из Франции, мы, как могли, говорили с ними, они чаще всего преподавали фонетику.

Потом, после института, я учился в ВКШ при ЦК ВЛКСМ, на отделении журналистики. Там учили отнюдь не только коммунистическим теориям (их, кстати,

знать тоже полезно, и они во многом перекликаются с христианскими). Учили журналистике, экономике, английскому языку, умению управлять людьми, вести переговоры, гоняли нас, как сидоровых коз, в спортзале и т. д. Каждый из нас мог пройти трёхмесячную практику в любом печатном советском СМИ. Я, например, стажировался в “Огоньке”, газете “Комсомольская правда”, работал на ТВ, в передаче “Музыкальный ринг”. К каждому из слушателей был прикреплен журналист-наставник, который учил мастерству, профессии. Меня азам публицистики обучала Ольга Андреевна Кучкина, обозреватель “Комсомольской правды”. Заведующим кафедрой был Геннадий Николаевич Селезнёв, в то время – главный редактор “Комсомолки”, впоследствии – спикер Государственной Думы. Он, кстати, давал мне рекомендацию в Союз журналистов СССР. Очень горько, что Геннадий Николаевич рано ушёл из жизни.

Стипендию в ВКШ я получал в размере 200 рублей. Это очень приличные по тем временам деньги. А до этого я работал старшим научным сотрудником в музее Н. А. Островского и получал 170 рублей.

На эти деньги (170–200 рублей) жила моя молодая советская семья, у нас с женой к тому времени уже подрастала маленькая дочка.

В постсоветское время я учился на экономическом факультете провинциального (республиканского) университета. Это уже был другой мир. Во-первых, образование стало платное. Уровень преподавания, конечно, снизился. Впервые я тогда столкнулся с ситуацией, когда студенты собирали деньги преподавателю, чтобы получить зачёт по тем или иным предметам. В советское время я про такое даже не слышал.

Также в постсоветское время я закончил аспирантуру факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова и докторантуру другого престижного вуза. В аспирантуре МГУ я уже был отличником, все экзамены кандидатского минимума сдал на пятёрки, учился бесплатно, но стипендию не получал. Учиться было легко. Так, как в провинциальном педагогическом институте советской поры, нас уже никто не гонял.

В докторантуре обучение было платное. Обучение заключалось в написании докторской диссертации, которую я до сих пор пишу. Это обычная практика для докторантуры.

Если делать выводы, то я убеждён, что советское образование было очень сильным. Нынешнему – не чета.

РАДИО

Слушал не так давно “Эхо Москвы”. Выступал политолог либерального крыла Юрий Сапрыкин. Он говорил о том, что, что у нас на ТВ сплошная пропаганда. И вообще, мол, в России нет свободы слова. Сапрыкин – умный, образованный человек, философ, окончил МГУ, помню его ещё юношей, мы с ним пересекались по рекламным делам в далёкие 90-е годы. Что меня удивило в его речах? Он говорил о том, что свободы слова в России нет. Но ведь он об этом говорит по радио! Значит, у него такое право всё-таки сохраняется. И я всегда говорю то, что думаю. И многие другие. А теперь что касается пропаганды. Да везде эта пропаганда! Я недавно в Чехии смотрел украинские каналы. Ну и что, вы думаете, там шибко хвалят русских? Ничуть. Факт очевидный: журналистика давно стала частью пропагандистской машины. И не только в России. Все страны отстаивают свои интересы.

Поговорим конкретно о радио. Я слушаю радио довольно часто. Полагаю, я специалист в этой области.

Могу ответственно заявить: по сути, в стране единственный профессиональный информационный канал – “Эхо Москвы”. Серьёзных конкурентов (ну, может быть, только “Коммерсант FM”) у него нет.

И вот этот могучий информационный канал с утра до ночи говорит о том, что правительство у нас плохое, Путин ужасен и т. д.

То есть это как бы антиправительственное, антипутинское информационное радио. При этом финансируется оно ГАЗПРОМом. Более того, и принадлежит оно ГАЗПРОМу. А ГАЗПРОМ, в свою очередь, как известно, принадлежит (хотя бы отчасти) государству. Парадокс? Нет, не парадокс. А дьявольски-изошрённая игра и правительства, и журналистов, которые в ней принимают участие.

Кремль и журналисты-оппозиционеры работают, на мой субъективный взгляд, на одну сверхзадачу. Они работают на власть. Кстати, образ жизни у представителей власти и представителей оппозиционной журналистики во многом схож. Частые вояжи за границу, постоянные “звёздные” тусовки и т. д. Всё, как надо. То есть власть и журналисты-оппозиционеры, по сути, едины.

Один из основных законов PR заключается в следующем: нужно сделать так, чтобы о тебе говорили. И неважно – что. Хорошее или плохое. Важно – быть на слуху.

Что говорят по “Эху” о Путине? Что он пахан (Н. Фатеева), что он и его дружки из пресловутого кооператива “Озеро” – коррупционеры (А. Троицкий), что он плохо играет на пианино – “тычет одним пальчиком” (Е. Альбац), что он своих не сдаёт, даже проворовавшихся (М. Ганапольский), и т. д. Цитирую, возможно, не точно, на память, но за смысл ручаюсь.

Пахан... Ну, это просто в нашей стране комплимент.

Коррупционер... Значит, ловкий богач. А ловких богачей в России признают и даже подобострастно мечтают с ними подружиться.

Плохо играет на пианино... Он и не должен играть хорошо. Удивительно, что вообще умеет.

Своих не сдаёт. Даже проворовавшихся... Это, по-моему, скорее напоминает грубую лезть. Получается, что Путин – действительно настоящий друг: дружит даже тогда, когда товарищ оступился.

То есть образ вырисовывается вполне симпатичный. К тому же гонимых, обруганных у нас обожают. Чудаковатый и алкогольно зависимый Б. Н. Ельцин, с которым я познакомился более 30 лет назад, вообще стал президентом во многом из-за протестных настроений народа.

Итак, выводы.

Пресса (казалось бы, оппозиционная), ругая власть, играет на руку власти.

Власти хорошо со всех сторон. Образ сильного, обаятельного и при этом гонимого, поруганного Путина создан? Создан. В России нет свободы слова? Да нет же, есть. Послушайте “Эхо”! Там говорят всё, что угодно. Иностранцам не грех продемонстрировать.

А вот телевидение, которое смотрит 95% населения, это уже совсем другой разговор. Тут я во многом соглашусь с Юрием Сапрыкиным. Это сейчас настоящий инструмент отупления нации, и здесь тотальной критики власти, конечно, не будет. Ну, если только иногда. В определённых дозах. Опять-таки для вида. Здесь, будьте любезны, господа-товарищи, слушайте правильные новости, сладкоголосых политических комментаторов, певцов Баскова, Киркорова и других особенно интеллектуальных и одухотворённых персонажей.

Что в этой ситуации не нравится лично мне?

Мне совершенно не интересно слушать о том, кто на пианино играет плохо, “тычет одним пальчиком”.

Мне интересно слушать о том, кто на пианино играет хорошо.

Мне интересно слушать о том, кто хорошо поёт. Хорошо пишет стихи. Хорошо рисует. Хорошо заботится (заботился) как государственный чиновник о России, о её гражданах, о её престиже в мире!

Давайте проведём маленький эксперимент!

Каждый из нас знает хоть одно стихотворение Пушкина. Или хотя бы одну его строчку. Но все ли из нас помнят, при каком царе жил Александр Сергеевич? И чем этот царь прославился? Вопросы, как вы понимаете, риторические. Пушкина знают все, а царя, при котором он жил, помнят лишь редкие интеллектуалы.

Давайте, наконец, поймём, что Путин и Медведев – это обычные люди, на время волей неразборчивой фортуны оказавшиеся большими начальниками. Ну, побудут они большими начальниками – и придут (рано или поздно) им на смену другие.

А вот пианист Святослав Рихтер останется, и дирижёр Владимир Спиваков останется, и художник Валерий Мишин останется, и поэт Белла Ахмадулина останется, и редактор и поэт Наталья Гранцева, редактирующая хороший литературный журнал “Нева”, останется. И много ещё в России есть талантливых людей, о которых потомки вспомнят и через сто лет. Вот о них-то и надо говорить.

Что в сложившейся ситуации плохо?

Плохо то, что в России сейчас революционная ситуация (дай Бог, чтобы я ошибался!). Разрыв между классами стал огромен. Элита (а сюда входят,

в частности, и политики, и журналисты) живёт в одном мире, а большинство народа за чертой кольцевой дороги – в другом. И достаточно махонькой искорки, чтобы загорелся совсем немахонький костёр. Костёр жутковатый, пожирающий всё, что нажито этой пресловутой элитой непосильным трудом. Летние пожары 2010 года тогда покажутся лёгкими солнечными ваннами.

А какое радио было при социализме?

По-моему, замечательное. Были радиопостановки классики, была передача “Пионерская зорька”, которую мы, дети, слушали по утрам, собираясь в школу, была передача “Встреча с песней”, которая радовала сердца меломанов и обычных слушателей. Транслировалось очень много разнообразных радиопрограмм.

Как ни странно, именно тогда, в так называемую эпоху “застоя” и тоталитаризма, было совсем немного идеологических передач. Сейчас, на мой взгляд, их на радио значительно больше.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

ТВ в брежневское время я смотрел мало. Учился, занимался спортом – не до того было. Помню любимые передачи “В мире животных” (ведущие В. Песков и Н. Дроздов), “Клуб кинопутешественников” (Ю. Сенкевич), “Вокруг смеха” (А. Иванов), прекрасную “Кинопанораму” (Э. Рязанов и Д. Орлов), великолепные научно-популярные фильмы, невероятно-талантливые художественные фильмы, гениальные мультики. Считаю, что ТВ тогда работало очень хорошо.

Сейчас хорошие фильмы тоже иногда показывают (хорошие – в основном советского производства). Что же касается всевозможных ток-шоу, развлекательных программ, то здесь, конечно, крах, катастрофа, смотреть это просто опасно для морального (а то и физического!) здоровья человека.

Как надоели эти бесконечные шоу по первому каналу про личную жизнь Армена Джигарханяна и его жену (теперь бывшую) Виталину Цимбалюк-Романовскую, как надоел Джигурда со своей бывшей женой Анисинной! Кому всё это нужно? Зачем постоянно смаковать “клубничку”, развращая людей?

Не лучше и передачи для детей. Смотрел наемдн (19.02.2017) по ТВ шоу Максима Галкина “Лучше всех”. Всё-таки незабвенный В. С. Черномырдин оставил после себя великую фразу: “Хотели, как лучше, а получилось, как всегда”.

Вроде бы идея у этого шоу первого канала хорошая – показать на ТВ талантливых детей.

Но почему эти талантливые дети обязательно “лучше всех”?

Чем лучше других девочка, которая умеет в пять лет кататься на лыжах? В чём тут гениальность? В чём гениальность семилетнего мальчика, который учится в специальной англо-американской школе и знает английский язык? Я видел десятки детей, говорящих на двух языках. Ну и что? Разве они лучше всех? И, конечно, изумляет сама манера М. Галкина вести передачу. Ведущий игриво расспрашивает ребёнка (семилетнего мальчугана) о его подруге, двусмысленно и фривольно называет малыша бойфрендом... (Напомню, что бойфренд – это мужчина, который живёт со своей подругой интимной жизнью!). Разве подобная манера вести передачу – не чудовищная дикость? И самое страшное – в какое положение ведущий ставит этих детей?! Ведь завтра им идти в детский сад, в школу. И многие будут им говорить (или думать): “А, это тот, который лучше всех, лучше нас!”

То есть взрослые оказывают детям медвежью услугу, противопоставляя их одноклассникам.

Нужно понять простую вещь: даже если ты хорошо и смешно подражаешь голосам других людей, это не значит, что ты хороший журналист. И уж тем более – педагог.

Ну, кто-то должен это сказать талантливому М. Галкину?

Что же касается музыкальных программ, то тут и вовсе творится что-то запредельное.

Я привык, что кабацкая песня – в кабаке. Она теперь – везде. Звучит, гремит, оглушает. Более того, нынешняя “звёздная попса” даже не дотягивает до уровня лучших ресторанных певцов советской эпохи.

Я убеждён, например, что Аркадий Северный был великий шансонье. Но он был вне закона.

Сейчас его явный ученик Александр Розенбаум, миновав очень яркий “одесский период”, стал вполне номенклатурным (и, на мой взгляд, заурядным) автором-исполнителем. (Может быть, я ошибаюсь, но я говорил в глаза Александру Яковлевичу, что не считаю его выдающимся поэтом и выдающимся музыкантом.)

Почему произошла такая вакханалия на отечественной эстраде? Откуда взялись все эти безголовые Лолиты, Шуры, Анжелики Варум?

Нет у меня ответов на эти вопросы.

А вот передачу “Песня года” (в советском варианте) я всегда вспоминаю с нежностью. И новогоднюю передачу “Мелодии и ритмы зарубежной эстрады” не забуду никогда.

КИНО. МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ

Актеры советской эпохи и нынешней...

Я вспоминаю...

Крючков, Андреев, Мартынов, Меркурьев, Марецкая, Жаров, Грибов, Яншин, Целиковская, Рыбников, Вертинский, Харитонов, Леонов, Кадочников, Смоктуновский, Баталов, Ульянов, Высоцкий, Джигарханян, Мкртчян, Кикабидзе, Будрайтис, Адомайтис, Волонтир, Роговцева, Леонид Быков, Роман Быков, Жжёнов, Бондарчук, Бурков, Евстигнеев, Ефремов, Спиридонов, Табаков, Даль, Кайдановский, Гринько, Аркадий Райкин, Константин Райкин, Рыжов, Шукшин, Янковский, Тихонов, Папанов, Броневова, Кваша, Мордюкова, Дорониная, Басилашвили, Лавров, Гурченко, Неёлова, Варлей, Лановой, Юматов, Михалков, Самойлов, Светин, Светличная, Смирнов, Вицин, Никулин, Моргунов, Басов, Крамаров, Пуговкин, Куравлёв, Кононов, Кузнецов, Луспекаев, Филиппов, Юрский, Жариков...

Глыбы, миры, гиганты...

Можно перечислить и перечислять... Множество великих имён!

Кто из нынешних так называемых молодых “звёзд” встанет с ними вровень?

Или это у меня старческое брюзжание?

Я очень люблю советское кино.

Разместил эту заметку в Фейсбуке. Мой пост прокомментировал известный киновед Леонид Павлючик. Он написал:

“Сегодня талантливых актёров не меньше. Маковецкий, Серебряков, Е. Миронов, Хабенский, Машков, Фёдор Бондарчук, Евгений Ткачук (Мишка-Япончик и Григорий Мелехов), Виктор Сухоруков (гений!), Мерзликин, из более молодых Александр Яценко (посмотрите его работу в “Аритмии” — это улёт!), Пётр Фёдоров, Максим Матвеев, Александр Петров... Да туча прекрасных актёров! То же самое с актрисами. Какая глубокая, яркая, разносторонняя актриса Вика Исакова! Юлия Ауг! Елена Лядова! Лиза Боярская! Юлия Пересильд! Это навскидку, те, что сию секунду пришли на память. А если порыться в памяти и киноафишах, то прекрасных актёров обнаружатся сотни!”

Спасибо за отклик, однако не буду вступать в дискуссию. Лет через пятьдесят продолжим разговор. Время всё расставит по своим местам. Но уже сейчас мне очевидно, что советское кино было очень профессионально. Это была грамотно и тонко выстроенная система. Да, была там и пропаганда, но в целом кино рассказывало о человеке, о нормальном (маленьком) человеке в традициях русской классической литературы. А если и была пропаганда, то делалось это очень талантливо и подлинными мастерами.

...Смотрел недавно в очередной раз гениальный советский фильм “Большая перемена” (режиссёр Алексей Коренев). Действительно, замечательная картина — добрая, трогательная, смешная. Сделано превосходно. Никто и не задумывается, что это не просто кино, а кинематографическая социальная реклама, прославляющая рабочий класс (пролетариат!), призывающая “учиться, учиться и ещё раз учиться!”

Увы, нет сейчас такой социальной рекламы в России. Нет добрых, светлых фильмов о рабочих, школе, тем более о ШРМ.

Вообще, советское общество было построено настолько изощрённо, что только сейчас начинаешь понимать, что к чему.

Было провозглашено, что мы построили общество рабочих и крестьян. Да, отчасти построили. Однако на самом деле и тогда существовал реальный

государственно-промышленный капитализм, при котором рабочие работали в наилучших условиях на заводах и фабриках, привозили их в большие города по лимиту, селили в далёкие от комфорта общежития и т. д. Но их труд тогда хотя бы поэтизировали, прославляли в стихах, романах, песнях, фильмах (та же “Большая перемена”).

...Управляют обществом, конечно, никакие не рабочие, а всегда одни и те же (одинаково устроенные) люди (а также их потомки). Это крошечный процент наиболее активного и пассионарного населения, который будет управлять при любом режиме, будь то социализм, капитализм, анархия или республика людоедов имени диктатора Полпота.

Этим пассионариям, по сути, всё равно, как называться. Например, бывший губернатор Нижегородской губернии Шанцев раньше был первым секретарём Перовского райкома партии, а президент Ельцин – первым секретарём Свердловского обкома партии. Подобные примеры могу приводить долго. Множество олигархов (некоторых из них я знаю лично) раньше работали в ЦК ВЛКСМ и ЦК КПСС, райкомах и горкомах партии и комсомола (кстати, М. Б. Ходорковский, если не ошибаюсь, трудился во Фрунзенском райкоме ВЛКСМ), КГБ, профсоюзах и т. д.

Я думаю, что общественно-экономическая формация не имеет большого значения для развития, скажем, экономики – пример богатейшего коммунистического (условно) Китая, главного работодателя демократических (условно) США, у всех перед глазами.

При этом всегда важны нюансы. Советская власть советской власти рознь. Эффективный, жизнеспособный нэп не надо путать с рабовладельческой индустриализацией, а кровавый 1937 год – с максимально не кровавым (есть с чем сравнивать!) брежневским так называемым “застоем”.

Что было сделано в брежневское время? Над пассионариями-управленцами был колоссальный контроль – партия, Пельше, КГБ и т. д. Да, они, пассионарии-управленцы, конечно, были состоятельными людьми, имели лучшие квартиры в домах ЦК, казённые дачи, путёвки в Пицунду и Ялту, спецпайки, но не более того. И при этом работали. Очень много и эффективно работали. Свой инстинкт пассионариев-управленцев они реализовывали, прежде всего, в силу заложенных природой дарований, жажды власти, даже чувства ответственности.

Перестройка отменила (как выяснилось, на время) контроль. И вот тогда эти самые пассионарии-управленцы пустились во все тяжкие, превратившись реально в феодалов (а мы сейчас, на мой взгляд, ближе всего именно к феодалной общественно-политической формации). И сейчас, конечно, фильмы вроде “Большой перемены” появиться не могут. К великому сожалению.

...Когда я сейчас смотрю советские фильмы о загранице, то понимаю: они во многом были правдивы.

Недавно по ТВ передавали давний (1982 года) советский (литовский) фильм “Богач, бедняк...” (по роману Ирвина Шоу). Замечательное кино. Об Америке 40–60-х. О нравах этой страны. Всё, конечно, там плохо. Бедные беднеют, богатые богатеют, мафия, наркотики, алкоголизм, проституция, заказные статьи в СМИ, бои без правил на ринге, убийства, расовая сегрегация, коррупция, митинги, студенческие волнения, толстосумы назначают мэров и т. д. Короче говоря, всё правда. И всё это на самом деле так похоже на нынешнюю Россию... Один в один.

Что меня более всего огорчало и огорчает в советском (и нынешнем) кино, так это явная или неявная поэтизация алкогольного дурмана. Самые обаятельные герои не прочь поддать. Верещагин не просыхает (“Белое солнце пустыни”), Гоша – в запое (“Москва слезам не верит”), Подберезовиков и Деточкин напиваются в пивной (“Берегись автомобиля”). Самый, конечно, яркий пример – это всенародный хит “Ирония судьбы, или С лёгким паром”. Если вдуматься и снять радужные очки, о чём это кино? Попарился в баньке, напился до беспамьтства – и оказался в Ленинграде, и встретил красавицу Надю (Барбару Брыльску) и забыл про ворчливую невесту Галю. Главное – не работать и пить, не работать и пить. Тогда будет счастье. Каждый год нам целенаправленно внедряют в сознание эту весёлую сказочную мысль. Срабатывает. Не работаем и пьём. Не работаем и пьём. И каникулы длятся больше недели. Как хорошо! А потом удивляемся, что у нас медленно растёт ВВП. Если бы я был кандидатом в президенты РФ, я бы всем пообещал скатерть-самобранку, ковёр-самолёт и т. д. Уверен – поверили бы.

Но в целом, конечно, советское кино служило высоким человеческим идеалам. В СССР были великие режиссёры – Шукшин и Параджанов, Захаров и Тарковский, Иоселиани и Герман, Данелия и Козаков... Всех и не перечеистишь. Созвездие великих мастеров!

И все они говорили кинематографическим языком то, что считали нужным. Кто-то говорил прямо, а кто-то завуалированным эзоповым языком, как, например, Марк Захаров.

Когда мне говорят, что в СССР не было свободы слова, я в это не верю. Пересмотрите ещё раз, например, фильм “Убить Дракона”, который был снят М. Захаровым в 1988 году. По-моему, это абсолютно гениальный фильм. Мне до сих пор не понятно, как он вообще мог выйти в СССР, где существовала цензура? Этот фильм жутковато и поучительно смотреть даже сейчас. Он про нашу страну, про наших правителей, про наших граждан. Про всех нас.

А какие там диалоги!

– Все должны любить Дракона.

– А кто это сказал?

– Дракон”.

– Кто у нас сидит?

– Все.

– Это правильно”.

А ещё в советском кино был прозорливый – страшный, сермяжный! – взгляд в будущее. Вот характерный диалог из легендарного сериала “Вечный зов” (авторы сценария К. Исаев и А. Иванов, режиссёры В. Усков и В. Краснопольский).

Не могу удержаться от обильного цитирования.

“Лохновский:

– Как там у вашего Маркса? Бродит призрак по Европе?

Полипов:

– А я так думаю, что скоро этот призрак начнёт обретать плоть и кровь. Эта война закончится в Берлине. А для этого Красная армия должна будет пройти пол-Европы, а там не только ваши сторонники! И неизвестно, какая идеология победит...

Лохновский:

– Идеология! Есть только одна идеология у всех людей – ЧЕЛОВЕК ХОЧЕТ ЖИТЬ И ЖРАТЬ! Причём жить как можно дольше, а жрать как можно слаще! Вот и вся ИДЕОЛОГИЯ! Всех стран и народов!

Полипов:

– Не скажите... Почему же тогда наши солдаты идут в бой, не щадя своих жизней? В тылу женщины и дети стоят по двадцать часов у станка! А крестьяне отдают фронту всё – до последнего зерна, до последней нитки!

Или вы скажете, что ими руководит тоже животная страсть?

Лохновский:

– Фанатизм! Обыкновенный коммунистический фанатизм! Вы так воспитали людей. Но! Как человека ни воспитывай, остаётся один, никогда не стареющий закон – СВОЯ РУБАШКА БЛИЖЕ К ТЕЛУ! И мы сделаем так, чтобы эта рубашка намертво приросла! Мы вытравим из мозгов людей этот коммунистический фанатизм. Вот закончится война, всё как-то утрясётся, успокоится... Тогда и начнётся настоящая борьба! За нами идеологическая машина всего остального мира! **ДА И МНОГИЕ ИЗ ТВОИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ БУДУТ НАМ В ЭТОМ АКТИВНО ПОМОГАТЬ!**

Полипов:

– Я не думаю, что вы найдёте много активных помощников...

Лохновский:

– Мы найдём... Нет, мы их воспитаем! Мы их наделаем столько, сколько нам будет нужно! **ДЕНЬГИ СДЕЛАЮТ ВСЁ!** Мы подорвём монолит вашего общества! **ВОТ ВОЙНУ ЗА ДУШИ ЛЮДЕЙ МЫ ВЫИГРАЕМ!**

Полипов:

– Так же, как выиграли эту...

Лохновский:

– Что? Не веришь? Ну, что ж, зятьёк дорогой... Раз не веришь, родственник ты мне, иль не родственник, но раз ты непримиримый враг, к тому же враг идейный... Кузин! Расстрелять его! Готовьте комендантский взвод.

Полипов (испугавшись):

– К-к-как?

Лохновский:

– Ну, вы же слышали. Скоро рассвет, а расстреливаем мы, как и везде, на рассвете... ЧТО?! Ты же не разделяешь моего исторического оптимизма!!!

А дохнуло смертью, и сразу согласился подумать и поверить мне...

И большинство людей такие!!! СВОЯ РУБАШКА БЛИЖЕ К ТЕЛУ!

Хе-хе-хе... А ты говоришь, что мы не найдём себе помощников... Убирайся отсюда! Пшёл вон! МРАЗЬ!”

Страшный диалог, который, увы, не лишён актуальности в наше время.

Сейчас, надо признать, тоже стали появляться довольно качественные, на мой взгляд, сериалы.

Например, часто смотрю замечательный фильм “Исаев” (режиссёр Сергей Урсуляк). Хорошее, глубокое, добротное кино, снятое в 2009 году по мотивам произведений советского классика Юлиана Семёнова. Какая главная мысль в этом фильме? Во время революции (переворота), гражданской войны практически нет счастливых судеб. Под карательный меч красного режима попали Пожамчи, Яков Шелехес, Фёдор Шелехес, Белов, Прохоров. Постышев, Блюхер, Гиацинтов, Бокий... На 12 лет осуждена шифровальщица Оленецкая. Белые погубили Чена (Марейкиса), Васильева... Германские спецслужбы убили Лиду Боссе, редактора эстонской газеты... Профессор Никитин уезжает из страны. Сам Исаев разлучён с женой. Итак, практически все герои фильма несчастны. А во имя чего? Зачем? Чтобы всё опять – спустя годы! – вернулось на круги своя?

Конечно, не все нынешние многосерийные фильмы удачны. Например, сериал “Есенин” (2005 год, режиссёр Игорь Зайцев) мне иногда напоминает ленту “Бандитский Петербург”... В фильме про русского национального гения есть трогательная сцена, когда Борис Леонидович Пастернак избивает Сергея Александровича. Избивает, надо сказать, очень профессионально – и кулаками, и ногами. Удары поставленные, точно у Майка Тайсона. А каким бездарем и негодяем показан в этом фильме Алексей Кручёных, который на самом деле был выдающимся поэтом-авангардистом! Вообще, более непотребное зрелище, чем фильм “Есенин”, представить крайне затруднительно.

* * *

... Отдельный разговор – мультипликация.

Советские мультфильмы. Невероятное количество шедевров!

“Чебурашка”, “Малыш и Карлсон”, “Винни-Пух”, “Фильм, фильм, фильм”, “Ограбление по...”, “Маугли”, “Ну, погоди!”, “Каникулы Бонифация”, “Бременские музыканты”, “Жил-был пёс”, “Шайбу-шайбу”, “Ёжик в тумане”, “Пластилиновая ворона”, “Петя и Красная шапочка”, “Аленький цветочек”, “Золотая антилопа”, “Приключения Мурзилки”, “Дядя Степа – милиционер”, “Как казаки в футбол играли...”, “Весёлая карусель” (серия мини-мультфильмов)...

Это Кинематограф с большой буквы!

Была индустрия мультипликационного искусства – высокого, подлинного, неповторимого.

А что сейчас?

“Маша и Медведь”... Что ещё?

Уничтожение нации начинается с детства. Если дети не смотрят хорошие мультфильмы... Даже думать страшно на эту тему.

В целом, по моему глубочайшему убеждению, советское кино и мультипликация были намного интереснее, чем сейчас.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Я начал печататься в 1981 году в Тамбове, где учился в Педагогическом государственном институте на факультете иностранных языков. В нашу институтскую многотиражку “Народный учитель” мои стихи отнёс поэт Сергей Евгеньевич Бирюков, с которым я был хорошо знаком, и редактор Лариса Кузнецова их напечатала. Публиковался я под псевдонимом Евгений ИС.

В 19 лет я уже широко печатался в тамбовских центральных изданиях – в газете “Комсомольское знамя” (орган обкома ВЛКСМ) и в “Тамбовской

правде” (орган обкома КПСС), а также в районной газете “Трудовая новь” (газете Рассказовского горкома КПСС).

В тамбовской периодике я печатал заметки о местной культурной жизни, рецензии на книги, переводы стихов поэтов народов СССР. Мои собственные стихи тамбовские областные газеты не печатали. В районной рассказовской газете “Трудовая новь” меня публиковали постоянно, в том числе как поэта. В “Трудовой нови” работал замечательный журналист (мой наставник) Валерий Васильевич Артюшин, кстати говоря, автор журнала “Наш современник”, и он публиковал мои стихи, переводы из французской поэзии, очерки, статьи на всевозможные темы.

В “Комсомольском знамени” мне за небольшую заметку платили 3 рубля, а в “Тамбовской правде” – 10 рублей. В “Трудовой нови” – по 2–3 рубля за материал.

На круг у меня в месяц выходило по 30–50 полноценных советских рублей. Плюс студенческая стипендия 40 рублей. Плюс, как я уже писал, мама мне присылала 50 рублей в месяц. То есть всего рублей 130 (в среднем) я имел. На 130 рублей можно было вполне сносно жить. Средняя зарплата тогда составляла примерно 150 рублей. Квартиру (точнее, комнату в частном доме) мы в студенческое время снимали с моей женой Наташей в Тамбове за 25 рублей в месяц, а потом стали жить у тестя с тещей. И материально мы жили очень неплохо.

В Москве тогда, в начале восьмидесятых, я не печатался. Относил стихи и в “Юность”, и в “Литературную учёбу”, и в “Советскую культуру”. Не брали.

В Тамбове я ходил в литературную студию “Слово”, которая впоследствии стала Академией Зауми. Руководил ею замечательный поэт и филолог Сергей Евгеньевич Бирюков, который ныне – доктор культурологии, преподаватель в университете г. Галле (Германия). Постоянными (частыми) посетителями студии были Саша Федулов (яркий визуальный поэт и художник), Вадим Степанов (прозаик), царство ему небесное, Володя Карпейкин (историк), Наташа Лихтенфельд (моя жена, поэтесса и переводчица, тогда, как и я, студентка иняза), Антонина Щербак (аспирантка филфака, в настоящее время – доктор филологических наук), Андрей Хворостов (поэт, студент Литературного института им. М. Горького), Виктор Эквист (журналист, впоследствии главный редактор газеты “Комсомольское знамя”), Валентин Бондаренко (детский поэт), Владимир Попов (прозаик)... Приходили к нам в гости Марина Кудимова, профессор Владимир Георгиевич Руделёв, доценты Борис Николаевич Двинянинов и Валерий Анатольевич Монастырский и многие другие яркие люди.

Все мы, студийцы, были как бы в андеграунде. Стихов наших в Тамбове не печатали. Зато часто печатались студийцы лито “Радуга”, которое вёл поэт Семён Семёнович Милосердов.

Я несколько раз ходил в “Радугу”, но ничего интересного там не услышал.

Я тогда был убеждён, что у нас в стране есть запрет на профессию (профессия поэта, литератора). Мы пытались с Антониной Щербак составлять коллективные сборники стихов и прозы, даже не особенно надеясь, что их когда-нибудь напечатают.

Более удачливая (на мой взгляд) судьба (в литературном плане) была у нашего руководителя Сергея Евгеньевича Бирюкова. Он жил литературным трудом. Постоянно печатался как литературовед и критик в “Литературной учёбе” и “Литературном обозрении”, его стихи печатали “Литературная газета” и альманах “Поэзия”. У него в 1980 году даже вышла тоненькая книжечка стихов “Долгий переход” в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве в Воронеже. Но Бирюков жил, конечно, совсем не богато. Как он сам мне говорил, зарабатывал он литературным трудом примерно 100 рублей, и полставки (30 рублей) он получал за работу руководителем студии “Слово” при Тамбовском областном Доме учителя.

Мы с Бирюковым тогда общались практически каждый день и были, конечно, недовольны советской властью.

Сейчас, когда прошло более 35 лет, мы вспоминаем те времена с нежностью и понимаем, что тотального запрета на профессию всё-таки не было. И самое главное – тогда профессия литератора точно существовала.

Это не значит, что не было недостатков. Айги, например, тогда в СССР не печатали. Книгу за свой счёт издать было невозможно, меня за написание

невинных анаграммных и палиндромных стихов упекли в психушку с подозрением на шизофрению (но, слава Богу, вскоре выпустили).

Но повторю, главное — мы тогда (и я, и Бирюков) могли жить литературным трудом, могли реализоваться (пусть не на 100%) в любимой профессии.

В конце восьмидесятых мы с Наташей переехали (вернулись) в Москву. В 1988 году я стал стажёром отдела литературы, а потом и литконсультантом на договоре в журнале “Огонёк”. Потом критик Владимир Вигилянский (ныне священник отец Владимир) устроил меня на работу в отдел литературы и искусства еженедельника “Семья”. Мне положили оклад жалования 170 рублей. Это была средняя московская зарплата, на которую мы могли худо-бедно жить с семьёй.

Я стал ходить по редакциям. Отнёс в 1988 году стихи в “Дружбу народов”. Меня тепло встретили Татьяна Александровна Бек и Наталья Борисовна Иванова. Вскоре Татьяна Бек написала про меня лестные слова в “Комсомольской правде” на первой полосе. Я становился известным человеком. И в 1989 году меня напечатала “Дружба народов” — 2 стихотворения. Этот журнал тогда выходил тиражом 1 млн 200 тысяч экземпляров.

В 1989 году я отнёс стихи в журнал “Новый мир”, со мной уважительно разговаривал минут сорок Олег Григорьевич Чухонцев, он даже нашёл у меня одно хорошее стихотворение. Но публикация не состоялась.

В 1990 году меня напечатал альманах “Поэзия”, тут мне помог Геннадий Николаевич Красников, который отнёсся ко мне очень внимательно и добро-сердечно. Тогда же у меня вышли стихи в альманахе “День поэзии” — это была уже вершина поэтической карьеры по советским меркам. В “Дне поэзии” печатались только “сливки” московского поэтического общества, как правило, члены СП СССР.

Потом я ещё печатался в журналах “Сельская молодёжь”, “Дружба” (как переводчик с болгарского), тут меня поддержал поэт и редактор Всеволод Михайлович Кузнецов, “Рабоче-крестьянский корреспондент”, “Мы” (где я вскоре стал зав. отделом поэзии) и других.

Потом я довольно долго жил за границей.

Лет 15 я стихов никуда не предлагал. Когда же в конце девяностых я вернулся в Москву из Франции, я попробовал напечатать свои стихи в журнале “Арион”, их туда отнёс, как всегда, мой друг и наставник Сергей Евгеньевич Бирюков. Но получил отказ. Тогда я попытался издать книжку за свой счёт, мой литературный товарищ Владислав Кулаков порекомендовал мне обратиться к Дмитрию Кузьмину, с которым, созвонившись, мы встретились в клубе “Авторник” на Лубянке, и Дмитрий пообещал дать мне ISBN.

Но я решил идти своим путём, смекнув, что времена изменились, что меня никто здесь, в России, не ждал. И путь у меня один: создавать свой собственный журнал и своё собственное издательство.

Я сам сверстал книжечку стихов “Прикосновение”, сам её отпечатал на купленном ризографе, который стоял у меня дома, сам эту книгу переплёл и подарил нескольким своим друзьям, в том числе Татьяне Александровне Бек и Серёже Арутюнову.

А в 1999 году я вместе с коллегами (Сергей Евгеньевич Бирюков, Сергей Арутюнов, Женя Доброва, Павел Анатольевич Богомолов, Геннадий Николаевич Айги) создал журнал “Футурум АРТ”.

После этого я и вовсе перестал предлагать свои сочинения в другие издания, и более 10 лет меня никто (кроме меня самого) не печатал.

В 2000 году уже работало мое издательство “РСТ”. Я стал выпускать книги. Но в издательстве было несколько учредителей, и начались неизбежные в таких случаях конфликты. Я принял решение выйти из состава учредителей. И в 2003 году создал издательство “Вест-Консалтинг”, в котором стал единственным учредителем.

С 2003 по 2017 год я издал сотни наименований книг, выпустил множество журналов, альманахов и газет (“Футурум АРТ”, “Дети Ра”, “Зинзивер”, “Зарубежные записки”, “Илья”, “Другие”, “Персона ПЛЮС”, “Литературные известия”, “Поэтоград”, “Наша Смоленка”, несколько лет издавал журнал “Крещатик”...). И примерно с середины 2000-х опять стал печататься в других толстых журналах.

Казалось бы, вполне удачная карьера. И нет теперь никакого запрета на профессию, и можно издать всё, что ты хочешь.

Но так ли это? Так ли всё благополучно?

Ситуация теперь такова, что тиражи журналов катастрофически упали (например, тираж журнала “Новый мир” — всего 2 тысячи экземпляров). Гонорары очень небольшие, а во многих изданиях их и вовсе нет. Ясно, что даже на рецензиях (а они всегда востребованы!) прокормиться сейчас нереально, что было возможно в моей тамбовской советской юности.

29 июня 2015 года по ТВ прошла очень интересная передача писателя и журналиста Андрея Максимова, посвящённая толстым литературным журналам. Участвовали Андрей Василевский (“Новый мир”), Александр Ливергант (“Иностранная литература”) и Валерий Дударев (“Юность”).

Впечатление не самое радостное. Журналам, в самом деле, очень тяжело. Подписка падает, розница — минимальная. И т. п.

Как сообщил А. Василевский, в розницу “Новый мир” (отдельные номера) можно купить только в редакции и в магазине “Фаланстер”. Больше нигде.

Был суров самокритичный А. Ливергант, который, в частности, сказал, что “мы не дорабатываем, мы плохо продаём <журналы>...”

На самом деле, это передача очень важная — одна из немногих, которая говорит о сути дела. Она показывает, что в настоящее время не решены главные проблемы литературного процесса. У многих журналов (а это основа лит-процесса) нет нормального распространения. Ну, ведь не дело, что один из самых известных в стране “толстяков” — легендарный “Новый мир” — можно купить в розницу только в одном магазине!

Не менее печальная ситуация, на мой взгляд, и в книгоиздании. Книги давно перестали быть книгами. А стали чтивом (для широких масс) либо сувенирной продукцией, которая нужна только автору и нескольким его друзьям. Культура книгопечатания сошла практически на нет, поскольку институт редактуры и корректуры упал ниже плинтуса. Система распространения оказалась разрушена.

В советское время я мог купить самые лучшие книги в каком-нибудь заухудалом магазинчике, например, на станции Платоновка Тамбовской области. Сейчас это невозможно. Число книжных магазинов резко сокращается. Например, давным-давно закрыта Лавка Литературного института, которая была, на мой взгляд, лучшим магазином некоммерческой книги.

Так есть ли сейчас профессия литератора? Она, конечно, есть. Можно зарабатывать сценариями (но в клан сценаристов совсем не просто попасть), можно зарабатывать на текстах песен (но в шоу-бизнес и вовсе не пробиться!), можно писать в глянцевах журналы, где за интервью заплатят примерно 2–3 тысячи рублей. И т. д. И всё-таки нынешний среднестатистический литератор обязан где-то служить — в пресс-службах, в рекламе, в пиар-отделах, школах, университетах и т. п.

Запрет на профессию литератора пришёл оттуда, откуда не ждали, — от рыночной экономики.

И вот теперь, когда половина моей литературной жизни прошла при социализме, а половина — при капитализме, я задаю сам себе вопрос: а где же лучше? И не знаю точного ответа на этот вопрос.

Что хорошо сейчас? Мой главный аргумент в пользу беспощадного, ужасного, несправедливого нынешнего строя заключается в том, что всё-таки я сейчас свободен. Я могу написать всё, что я хочу. Я могу издать всё, что я хочу. Я могу напечатать всё, что я хочу, в собственных журналах и в сети интернет. У меня есть все возможности для творческой реализации. А то, что она (эта творческая реализация) никому, кроме меня, по большому счёту не нужна, так это дело десятое. Ведь “цель творчества — самоотдача, // А не шумиха, не успех...”

Да, и ещё один важный момент: сейчас за палиндромы и анаграммы в психушку не сажают. Более того, в 2015 году за моё трёхтомное исследование, посвящённое авангардной поэзии, я получил одну из самых крупных литературных премий — премию имени А. Дельвига. Так что всё не так безнадежно.

МОИ ЛИЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Чего я достиг при Советской власти?

В детстве-юности я был, как писал выше, спортсменом: футболистом, хоккеистом, боксёром. Тренировался — на износ! — каждый день. Стал в составе

команды “Крылья Советов” двукратным чемпионом Москвы по хоккею, получил первый взрослый разряд по футболу, 9 боёв провёл на ринге, в 7 победил.

Начинал я с игровых видов спорта, потом перешёл в бокс, потом (когда сердце перестало выдерживать нереальные боксёрские нагрузки) опять вернулся в футбол. В коллективе всё-таки полегче.

... Мой тренер по боксу А. П. Герасимов готовил меня к очень серьёзной спортивной карьере. Тренировки были суровые. Иногда он выпускал на ринге против меня двух боксёров и не разрешал мне наносить ответные удары, можно было только защищаться – нырками, уклонами и т. п. И я как-то всё это выдерживал. До поры до времени. В 15 лет сердечко стало шалить.

Но я очень благодарен боксёрской школе. Если бы не бокс, я бы, конечно, уже давно сгинул. Спасибо великому тренеру.

Самоотверженно со мной занимались и мои тренеры по футболу и хоккею Валерий Павлович Прокольчев (царство ему небесное!) и заслуженный мастер спорта СССР, чемпион страны Аркадий Юрьевич Николаев (он был в “Крылышках” главным тренером, а играл за “Динамо”).

Я считаю, что моя спортивная карьера сложилась успешно, всё-таки я стал двукратным чемпионом Москвы. Этого добивались далеко не все.

Работал литературным редактором еженедельника “Семья”, который выходил тиражом 5 млн экземпляров. Меня приглашали на работу редактором отдела культуры номенклатурного журнала “Молодой коммунист” – я отказался, брали пресс-секретарём в ЦК ВЛКСМ – я тоже отказался.

Если бы сохранилась Советская власть, я бы, наверное, дослужился до главного редактора. Возможно, мне бы дали квартиру. Двухкомнатную – на троих. Это всё, на что я мог рассчитывать.

При капитализме я закончил университет христианского образования в Женеве, экономический факультет университета (специальность – “Финансы и кредит”), потом с отличием (кандидатский минимум сдал на пятёрки) завершил учёбу в аспирантуре МГУ им. М. В. Ломоносова. Учился в докторантуре РГГУ. Стал главным редактором многих газет и журналов, книжным издателем. Много писал (и пишу). В разных странах мира вышло около тридцати моих книг. Печатаюсь в толстых журналах, в газетах, в популярных изданиях. У меня родились внучка и внук. Квартир у меня несколько. И загородный дом есть, и собственный офис, и квартира в Болгарии, на море. Я объездил полмира. Вкальваю, как прежде, с утра до ночи.

Есть прогресс? Наверное, есть.

И всё-таки...

И всё-таки я не считаю, что нынешний политический курс лучше прежнего.

Я думаю, что социализм был удобнее для большинства. А могучие пассионарии, как я уже писал, тогда грамотнее и эффективнее контролировались. Была мораль. Были нравственные ориентиры. Государство было более справедливым и более социально ориентированным. И не было такого чудовищного расслоения общества, как сейчас.

Я полагаю, что в нынешней России капитализм (такой капитализм, как сейчас!) выжить не может. Жизнь показала, что у нас слишком мало людей, способных вкальвать с утра до ночи. Не случайно малый бизнес так и не прижился в России. Прочитал 15.10.2013 на сайте <http://news.mail.ru/economics/15193800/?frommail=1> “... российский малый бизнес начал переезд за границу. Процесс исхода уже не остановить, но замедлить можно. Малые и индивидуальные предприниматели закрывают бизнес в России и переезжают за границу, пишет “Российская газета”.

Что сказать? Сильные уезжают. Большинство остаётся. И пытается устроиться на крупные предприятия, которых, увы, не становится больше. Люди по-прежнему рассчитывают не на себя, а на дядю. И во всём винят кого угодно, но только не себя. Люди, конечно, не виноваты. Они такие, какие есть. Изменить их сейчас невозможно. А значит, их нужно пожалеть. И перестать над ними издеваться. Не надо заставлять всех быть предпринимателями. Это невозможно. Но и малочисленных предпринимателей-пассионариев не следует уничтожать. Важно уметь соблюдать баланс интересов. Вот для этого и нужно государство. А вовсе не для того, чтобы набить боярские карманы дармовым золотом. Государство обязано направить креативную энергию

пассионариев в нужное – созидательное! – русло, а пассивному (это не уничтожительная характеристика, а констатация факта) большинству обеспечить достойный минимум. Пришло время комбинированной общественно-экономической формации. И в основе её должен лежать гуманизм, поддерживаемый государством. Гуманизм – это единственно верный практицизм современности. Единственно возможный способ всем нам выжить.

И, конечно, нам необходимо выработать национальную идею. А национальная идея в России не может быть в отрыве от аграрного вопроса.

Земля – это главное.

50% сельскохозяйственной продукции сейчас производят малые предприятия, частники, в том числе – дачники-садоводы. Это очень хорошо. Я лично в прошлом году сварил 50 банок варенья. И мне хватило на осень-зиму-весну. Ни одной банки варенья в магазине я не купил. А мои замечательные соседи производят не только варенье, но и соленья, соки, выращивают картошку, кабачки, зелёный горошек, капусту, лук, чеснок, держат коз и кур...

– Мы можем сами себя прокормить! – говорят они.

Вот и надо дачников-садоводов (других мелких аграриев и животноводов) максимально поддерживать. Первым делом – провести во все СНТ газ, чтобы жильё было максимально комфортным.

Нужно максимально использовать ту человеческую энергию, которая есть. А нам, дачникам, энергии не занимать.

Наша радость – это земля. Наша основа основ – это дом и семья. Наш национальный поэт – это Сергей Есенин! И Бог нам в помощь!

Пока же российская политика – это не политика, а мощнейший, дьявольски изощрённый структурированный сетевой бизнес, где, как это ни грустно, о благополучии простых граждан, похоже, никто заботиться не намерен, а кадры для оппозиции готовятся в номенклатурных элитах.

Мне возразят: так не может быть.

Но давайте рассмотрим факты.

Итак, кто же в оппозиции?

Михаил Касьянов. В прошлом премьер.

Владимир Рыжков. В прошлом зампред Госдумы.

Алексей Кудрин. В прошлом министр финансов. Да и сейчас при власти.

Алексей Навальный. В прошлом советник губернатора.

Неужели нужно кому-то доказывать, что власть и оппозиция – это единый организм, очень напоминающий двуглавого орла? Мне это очевидно.

Отдельный вопрос – отношения нашей страны с Западом.

В советское время эти отношения были плохими, шла “холодная война”. Но существовал Варшавский блок, СЭВ, Советский Союз был реальной сверхдержавой.

Что же теперь? Как нам ладить с Западом в нынешнее постсоветское время? Сейчас СМИ (и наши, и западные) переполнены материалами о противостоянии Запада и России (Путина). Да, конечно, это противостояние существует, оно не менее драматичное, чем было в советское время. Но полагаю, что в этом противостоянии есть элементы политической игры. Западу, на мой взгляд, абсолютно всё равно, под какой юрисдикцией будет, например, Крым – под украинской или российской. Не сомневаюсь, что все эти вопросы давно согласованы в высших (невидимых) эшелонах власти. И Путин, как это ни странно, Запад устраивает. Всегда нужен “плохой парень”, на которого можно списать собственное несовершенство и дополнительные расходы... Реальное и кромешное противостояние между Россией и Западом (США и Евросоюзом) началось бы только тогда, когда в России были бы отменены доллар и евро. Вот это привело бы к реальной войне.

А пока можно говорить что угодно. Суть вопроса – в деньгах.

Мой старший товарищ и бывший начальник по газете “Совершенно секретно” Артём Боровик, царство ему небесное, однажды сказал мне: “Кошку можно назвать как угодно. Можно даже поругать её. Она не обидится. Но вот если ей не дать молока... она этого не простит”.

В этой статье я не говорю о том, что нужно немедленно отменять хождение валюты в стране, я говорю, надеюсь, о сути вещей. Она – в финансах. И мы это должны понимать. Делать своё дело и рассчитывать на самих себя, думая – в перспективе – не только о продуктовой безопасности, но, прежде всего, о безопасности финансовой и цивилизационной.

Итак, что же лучше для русского человека – социализм или капитализм? Я думаю, что каждый должен ответить на этот вопрос самостоятельно. Но, в любом случае, при любом строе должна быть социальная защищённость. Я считаю, что подобной защищённости в брежневское время было больше, чем сейчас.

А закончить эти заметки я хотел бы своим очень коротким стихотворением, в котором надеюсь выразить суть вопроса.

* * *

*Раньше был дефицит харчей,
А теперь дефицит рублей.*

*Раньше был дефицит одежды,
А теперь дефицит надежды.*

*Раньше я был молодой,
А теперь я седой...*